

УДК 322

Камалова А. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

В статье определены траектории взаимодействия государства и церкви на примере отношений власти и Русской православной церкви в дореволюционной России. Описан генезис взаимоотношений государства и церкви, определены роль церкви в укреплении государственной власти, историческая логика сращивания государства и РПЦ, отношения государства к прочим религиям. Выявлено, что взаимодействие светской и духовной власти в России имело нелинейный и противоречивый характер. Курс политической централизации и концентрации власти привёл к доминированию государственного начала над церковью, а затем и к её огосударствлению. Несмотря на позитивные изменения в отношениях с другими религиями, принцип веротерпимости в дореволюционной России не получил утверждения. Автор вносит предложения по развитию государственной политики в сфере взаимоотношений публичной власти и церкви, включая активный государственно-конфессиональный диалог и поддержку церкви с учётом многонациональности и поликультурности социума.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Русская православная церковь, государство, взаимоотношения РПЦ и государства, светская власть, духовная власть, государственно-конфессиональные отношения, дореволюционная Россия.

A. Kamalova*Lomonosov Moscow State University
24, corp. 4, Lomonosovskiy prospect, Moscow 119991, Russian Federation*

STATE AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH INTERACTION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

ABSTRACT

The article identifies the lines of the interaction between the state and the Russian Orthodox Church in pre-revolutionary Russia. It reveals the genesis of the state-church relationship. The role of the church in strengthening the state power, as well

as the historical logic of the state and Orthodoxy coalescing is defined. Besides, the attitude of the state to other religions is given. The genesis of interaction between secular and spiritual power in Russia failed to follow the evolutionary path. Political centralization and concentration of power invariably turned into the state domination over the church, which resulted in its nationalization. Despite positive trends in relations with other religions, the principle of religious tolerance did not spread. The author outlines proposals for the development of state policy in relations between public authorities and the Church, including active state-church dialogue, including state support to the Church which took into account Russia's society being multinational and multicultural.

KEY WORDS:

Russian Orthodox Church, state and the Russian Orthodox Church interaction, state, secular power, religious power, state-church relationship, pre-revolutionary Russia.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема взаимодействия государства и церкви, светской и духовной власти в дореволюционной России является необычайно важной для более глубокого понимания исторических пружин развития российской государственности и всего российского общества.

Основной научный интерес, реализуемый нами в рамках настоящего исследования, связан в первую очередь со стремлением выявить некоторые смысловые пласты взаимодействия государства и церкви, логику и основания этого процесса, а также его наиболее важные политические следствия. При этом считаем необходимым предварительно оговорить одно принципиальное обстоятельство.

В многонациональной и поликонфессиональной стране, какой является современная Россия, не может быть маловажным вопрос о государствообразующем народе, о значении в политическом развитии того или иного вероучения, о характере их взаимоотношений между собой и их взаимоотношений с государством. Свидетельством тому являются современные дискуссии относительно концептов «русского мира» и «российской нации». Не вдаваясь в оценку и характеристику этих дискуссий, считаем возможным отметить только, что их смысловые измерения сегодня должны сопрягаться прежде всего с утверждением толерантности, максимальным выявлением роли и возможностей интегрирующихся культур, принципов достойного сожительства в едином многосоставном обществе.

Вместе с тем применительно к истории России, выявлению логики её политического развития обоснованным представляется сосредоточение внимания на роли в первую очередь православной церкви, на системе её взаимоотношений с государственной властью, которую она духовно оформляла; проблема взаимоотношений государства с другими религиозными направлениями может и должна рассматриваться только с учётом этих обстоятельств.

Целью настоящего исследования выступили выявление траекторий взаимодействия государства и Русской православной церкви в дореволюционной России, а также формулировка рекомендаций по развитию государственной политики в данной сфере на основе анализа исторического опыта.

Цель исследования предопределила постановку следующих задач:

- раскрыть значимость принятия христианства для становления российской государственности;
- изучить аспекты организации взаимоотношений между государственной властью и церковью в контексте траекторий политической централизации в Российском государстве;
- рассмотреть историческое развитие отношений публичной власти к православию и другим религиям.

Постановка цели и задач исследования предопределила выбор методологии, в основе которой лежат конкретно-исторический, системно-структурный, формально-логический подходы и сравнительный метод познания социально-политических явлений и процессов.

СТЕПЕНЬ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Исторические аспекты проблемы отношений церкви и государства в дореволюционной России рассматриваются в классических трудах Г. В. Вернадского, В. В. Зеньковского, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, С. М. Соловьева [6; 8; 11; 13; 15], которые по праву считаются основоположниками отечественной школы исследования государственно-конфессиональных отношений.

В постсоветский период в отечественной научной литературе исторические тенденции и актуальные аспекты взаимодействия государства и церкви лишь относительно недавно начали рассматриваться через призму беспристрастного аналитического взгляда. Среди исследований последних лет следует выделить работы А. И. Алексева, И. А. Василенко, В. И. Катина, В. И. Коваленко, С. П. Синельникова, Ю. В. Сорокиной, Р. Г. Скрынникова [1; 3; 10; 12; 14; 16; 17].

Активизировавшийся практический интерес, отражающий общий сдвиг в государственной парадигме по вопросам публично-церковных взаимоотношений к комплексному изучению заявленной проблематики, требует проведения новых качественных исследований, в рамках которых были бы переосмыслены исторические траектории взаимодействия Российского государства и церкви, прежде всего православной (как основного религиозного института на территории нашей страны), в том числе в контексте необходимости учёта исторического опыта в конструировании основ государственной политики на современном этапе.

ЗНАЧИМОСТЬ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В истории нашей страны принятие христианства было не только религиозным, но и политическим актом, имеющим для России и всего нашего народа принципиальное значение. Речь идёт не просто о переходе к монотеизму, который всегда знаменовал собой явление цивилизационного прорыва в истории. В международном плане принятие христианства значительно расширяло внешнеполитические и внешнеэкономические возможности русской земли, поскольку отвергнувшая язычество Русь становилась на один уровень с другими христианскими странами, что, в частности, позволяло ей более полно реализовать свои политические цели.

Обращение к Византии тоже не было случайным. На тот период Византийская империя демонстрировала явные преимущества в государственном и административном устройстве, в развитии философской мысли, культуры и архитектуры. В политологическом смысле при этом важно подчеркнуть значимость так называемого «византийского фактора». В целом ядром византийского вероучения являлась теолого-светская концепция «симфонии властей», в соответствии с которой, по мнению императора Юстиниана I, двумя величайшими дарами Божьими, данными людям «высшим человеколюбием», выступают священство, служащее делам божеским, и царство, заботящееся о делах человеческих [5, с. 27].

Следовательно, светская и духовная власти «нераздельны и неслиянны» и должны находиться в состоянии гармонии и сотрудничества. Но хотя суть концепции «симфонии властей» выражалась в идее сотрудничества церкви и государства, их взаимной поддержки и ответственности (без вторжения одной стороны в сферу компетенции другой), принципиальным был вопрос о том, в какой инстанции должна согласовываться политика двух этих видов власти. Ответ был дан: высшей духовной и светской властью обладает император. Эта идея получила понятную поддержку великокняжеского, а позже и царского престола.

Преодоление княжеских усабиц на Руси, воссоздание централизованной государственности и слом удельной системы были невозможны без особого духовного сопровождения, каковое могло дать тогда только православие. Вместе с появлением Московского царства получает свою активную разработку тезис о «святой Руси», о её универсальном всемирном значении. В церковно-политической идеологии этот тезис прочно связывается с идеей воцерковления государства, священной миссии царской власти, восходящей к византийской традиции.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Церковь была крайне заинтересована в утверждении мощной единой власти и располагала для этого рычагами идейного и организационного влияния. Необходимо отметить, что даже во времена феодальной раздро-

бленности и татаро-монгольского владычества церковь сохраняла единую структурную организацию, и митрополит Киевский неизменно именовался митрополитом «и Всея Руси». Когда Иван IV говорил папскому легату: «Наша вера христианская, а не греческая» [8, с. 14], он точно формулировал церковное (и национальное в целом) сознание Руси того времени. Постепенно мысли о политическом суверенитете русской церкви начинают обретать всё большее число сторонников.

В 1589 г. процесс автокефализации Руси завершается, и в условиях очевидного упадка власти константинопольского патриархата, уже давно поддерживаемого русским серебром, с согласия восточных патриархов московский митрополит Иов возводится в сан Патриарха Московского и Всея Руси. При этом русская православная церковь (при всех сложностях взаимодействия со светскими властями) продолжает оказывать поддержку росту государственного могущества, традиции которой начали складываться в предыдущее столетие. После завоевания турками Константинополя в церковно-государственном плане эта идея находит отражение в известной формуле старца Спасо-Елеазарова монастыря Филофея «Москва – третий Рим», что подразумевало не только преемственность власти московского государя от византийского императора, но и возвышение русской православной церкви.

В этом плане необходимо обратиться к острой полемике, развернувшейся между основными идейными течениями XV–XVI вв. – «нестяжателями» и иосифлянами – по вопросу об отношении к монастырской собственности. Здесь речь идёт не только о чисто экономических вопросах, но и о политических проблемах. Во-первых, об отношениях между государством и церковью, царской и архиерейской властями и, во-вторых, о степени и границах государственной централизации.

«Нестяжатели», крайне озабоченные опасностями обмирщения церкви, призывали к воздержанию от суеты мира, настаивали на том, что смысл иночества в предании жизни молитве. Естественно, что такая установка определяла резко отрицательное отношение его последователей к монастырскому землевладению [1, с. 10].

Иосифляне же в гораздо меньшей степени обращали внимание на вопросы внутреннего духовного совершенствования человека, свободы его духа, выдвигая на первый план роль религии и церкви как организующего начала человеческого общежития. Их глава Иосиф Волоцкий выше всего ставил «страх Божий», т. е. внешний порядок и послушание [1, с. 12–14]. Для этого ему нужна была богатая, экономически независимая церковь, что и делало иосифлян сторонниками сохранения монастырского землевладения.

Русские государи всегда старались уладить финансовые отношения с церковью. С укреплением самодержавных начал расширение государственных земельных площадей стало одной из самых главных целей московского правительства. Естественно, что проповеди «нестяжателей» о недопустимо-

сти монастырского землевладения вызывали экономическую заинтересованность царской власти. Но ещё большую политическую заинтересованность царская власть в период междоусобиц испытывала в поддержке идеи централизации государства: именно это вынудило царя на союз с иосифлянами, которые всегда выступали надёжными сторонниками укрепления великокняжеского престола.

Победа иосифлян отвечала задачам политической централизации государства – главным историческим задачам того времени. Более того, эволюция иосифлянства всё более сопрягалась с задачами усиления абсолютистских начал в государственном устройстве. Так, если Иосиф Волоцкий ещё делал какие-то оговорки в отношении прерогатив государя в сфере внутрицерковной жизни, то Филофей уже прямо относил к компетенции последнего назначение епископов, борьбу с ересями и пр. [1, с. 22]. Идеи же «нестяжателей» были во многом связаны с проникновением на Русь идей исихазма. Как подчёркивают современные исследователи, идеи нестяжателей во многом объективно совпадали с интересами боярской оппозиции, не заинтересованной в установлении жёстко централизованной системы власти (что особенно заметно у А. Курбского), и как таковые не поддерживались и даже преследовались и церковной, и светской властями. Этим и объясняется поразительный для мировой истории факт, связанный с перипетиями отечественной секуляризации церковных земель. Осуществить такую секуляризацию в полной мере не смог даже Пётр I в начале XVIII в. Это сделала лишь Екатерина II. Во многих странах мира процесс секуляризации сопровождался кровью, ставил народы перед опасностью масштабных гражданских войн. Между тем на Руси осуществление этого процесса могло произойти ещё в XVI в., причём инициаторами его было влиятельное крыло самих церковных деятелей [12, с. 639, 640].

И хотя в целом победа иосифлян была очевидной, что позволило им отстоять свои позиции в вопросах сохранения монастырского землевладения, стратегически они проиграли. «Развивая теорию государственного покровительства церкви, Иосиф Волоцкий и его последователи, – писал позже известный историк П. Н. Милюков, – едва ли думали, что теория эта приведет в конце концов к полному уничтожению светских привилегий церкви и к введению ее в рамки государственных учреждений» [13, с. 35].

Эта политика в полной мере начала воплощаться уже в период царствования Ивана Грозного (1530–1584). Проводя жёсткую политику укрепления централизованного государства, Иван IV определял монархию как «вольное царское самодержавие», считая, что воля государя выше закона и морали, и устраняя любые формы ограничения царской власти [4, с. 40]. В своём последующем развитии такая политика привела к осложнению отношений государства и церкви, что наиболее полно отразилось в период широкомасштабных церковных реформ, начавшихся в годы царствования Алексея Михайловича.

Между тем к концу XVII в. российская государственность последовательно осуществляла движение в сторону абсолютизма, получившего своё окончательное завершение при сыне царя Алексея Михайловича Петре I. Широко известные никоновские реформы также означали эволюцию России в сторону империи, о чём весьма точно выразился В. О. Ключевский: «Вся задача в том, чтобы установить полное согласие и единение церкви русской с другими поместными православными церквями, а там уж он, патриарх всея Руси, сумеет занять подобающее место среди высшей иерархии вселенской церкви» [11, с. 286].

Во внутривластном плане никониане своими мерами по унификации церковных книг и обрядов, решительной борьбой с «многоголосием» способствовали становлению «регулярного государства» как ядра петровского абсолютизма. Следует подчеркнуть не только заинтересованность правительства в этих реформах, но и его жесткость в их осуществлении: гонения на староверов, расправы с их лидерами усилились и после отречения Никона от сана патриарха; продолжались гонения затем и при Софье, и при Петре I. Это означало в политическом плане выбор в пользу жесточайшей централизации и тотального огосударствления общественной жизни.

Сильное воздействие реформ на развитие российской государственности во многом обострило противоречия между светской и духовной властью. При Никоне дело дошло до прямого противостояния патриарха и царя. Отметим, что при этом Никон не являлся убеждённым сторонником папоцезаристской модели, хотя определённую склонность к ней у него можно заметить. Так, весной 1652 г. он организовал перенесение мощей митрополита Филиппа Колычева (задушенного, напомним, по прямому указу Ивана Грозного) с острова Соловки в Москву и погребение их (в церемонии был вынужден участвовать и царь) в Успенском соборе московского Кремля. В появившемся в связи с этим литературном документе «Молебное послание государя царя Алексея Михайловича к мощам святого митрополита Филиппа» явно прослеживается влияние идеи о превосходстве духовной власти над светской.

Такие установки большинство исследователей считают следствием перелётов его властного характера. Мировоззренчески Никон был сторонником канонической для православия идеи «симфонии властей», согласно которой царь и патриарх составляют богоизбранную диаду: патриарх имеет под своим попечением божественные аспекты человеческого общежития, царь – земные. «Никон считал должность патриарха священной и необходимой в каждом истинно христианском государстве ... Отношение к патриарху как всего лишь к декоративному персонажу в дворцовой церемонии или к патриаршей должности как только лишь к помпезному и доходному положению представлялось ему святотатственным» [6, с. 85].

Никон слишком серьёзно отнесся к унаследованному от патриарха Филарета, представителя родовитой боярской семьи и, что самое главное, отца малолетнего царя, званию «великого государя». И со временем постоянная

опека патриарха приводила Алексея Михайловича во всё большее раздражение. Уже в июле 1658 г. посланец царя боярин князь Юрий Ромодановский передал Никону запрет на право именоваться этим титулом: «У нас один великий государь – царь» [15, с. 204]. И хотя потребовалось восемь долгих лет, чтобы лишить патриарха его сана, никакой значимой роли ни в церкви, ни в государстве Никон после этого уже не играл [9].

Реформы, начатые Никоном, тем не менее продолжались, поскольку они отвечали главным интересам российской государственности того времени – полному утверждению абсолютизма в стране. И хотя иногда церкви удавалось добиваться некоторых уступок (был упразднён Монастырский приказ, светские чиновники были изгнаны из системы церковного суда, патриаршие владения вновь стали расширяться), линия на огосударствление церкви последовательно утверждалась. После смерти в 1700 г. патриарха Адриана царь Пётр не допустил избрания нового главы церкви. В 1721 г. (год провозглашения империи) институт патриарха был упразднён и формально, и во главе церковной организации был поставлен Святейший Синод, что превратило православную церковь, по сути, в часть публично-бюрократического аппарата Российской империи. В 1764 г. Екатерина II провела секуляризацию монастырских земель, несколько позже, при Павле, произошло провозглашение императора главой русской церкви, и этот процесс окончательно завершился.

Однако русская православная церковь даже в этих условиях никогда не утрачивала полностью своей духовной роли, своих инициатив в социальном служении. Мотивы национального единства, патриотизма, добротолубия, совести оставались неотъемлемой частью её деятельности. Церковь активно проявила себя в движении земства на его низовом уровне: церковно-приходские школы, в частности, сыграли немаловажную роль в продвижении образования в неграмотную русскую деревню. В духовных академиях велась серьёзная работа по изучению истории и культуры, древних источников и др.

И всё же отрицательные стороны огосударствления церкви были более очевидны. Если политическая централизация и концентрация власти, на которые были длительное время направлены общие усилия государства и церкви, выражали в течение веков исторические потребности борьбы народа за своё существование, то уже со времён Петра монархия, достигнув абсолютизма, с этими потребностями стала всё более расходиться. Неповоротливый и непрозорливый государственный механизм, наряду с крепостным правом абсолютизм превратился в главный тормоз развития страны. Всё это сказалось и на роли русской церкви, превратившейся в часть государственной машины.

Православие как политическая (в лице церкви) структура, органически связанная с многочисленными аспектами функционирования русского общества, было в определённой степени затронуто абсолютистской идеологией государства, что находило отражение прежде всего в клерикализме; отсюда произрастал и религиозный популизм, нашедший в начале XX в. своё

наиболее полное выражение в гапоновщине. И позже, когда в революционных событиях 1917 г. погибло старое государство, русская православная церковь, в значительной мере отождествлявшаяся в глазах коммунистов с монархическим государством, вошла в период многолетних гонений и упадка, в чём-то разделив судьбу российской государственности.

ОТНОШЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ К ПРАВОСЛАВИЮ И ДРУГИМ РЕЛИГИЯМ: ОБЩЕЕ И ОТЛИЧНОЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Отношение светской власти к другим религиям, при всём их своеобразии, также соотносилось с общей логикой развития государственности. В период Российской империи наблюдался колоссальный территориальный рост нашей страны, сопровождавшийся её трансформацией в поликонфессиональное государство. Проведённая в 1897 г. Первая Всероссийская перепись населения даёт возможность увидеть точную информацию о численности людей разного вероисповедания (табл. 1). Обратим внимание, что, хотя удельный вес православных христиан в общей численности населения составлял 70%, на представителей ещё пяти конфессий (мусульман, католиков, иудеев, протестантов и старообрядцев) приходилось более 2% населения Империи (и в совокупности 29,4% от всего населения государства). Соответствующие процессы при этом наблюдались на фоне появления новых национальных групп в составе Империи, в том числе исповедующих новые (для правительства) религии.

Таблица 1

Структура населения Российской империи (без учёта Финляндии) по вероисповеданию (в соответствии с Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.)

Вероисповедание	Число приверженцев, тыс. чел.	Удельный вес от численности населения, %
Православные	87384,5	70%
Мусульмане	13829,4	11%
Католики	10420,9	8,3%
Иудеи	5189,4	4,1%
Протестанты	3743,2	3%
Старообрядцы	2173,7	2%
Представители различных христианских сект	1121,5	0,9%
Язычники	655,5	0,05%

Источник: [7, с. 83, 84].

Трансформирующаяся национально-конфессиональная палитра Российской империи ставила перед государством задачу конструирования позитивных взаимоотношений не только с православной церковью, но и с представителями других вероисповеданий. Впрочем, религиозная терпи-

мость со стороны правительства распространялась лишь на вероисповедания и религиозные практики у исторически сложившихся национальных групп. В результате, хотя на законодательном уровне было закреплено преимущество РПЦ перед всеми остальными исповеданиями, возникла необходимость выработать нормативные механизмы и новые инструменты в сфере государственного управления в вероисповедной сфере.

При этом уже в петровский период наблюдаются первые шаги по возведению принципа терпимости в ранг значимых основ государственной политики. Так, в указе Петра I от 16 апреля 1702 г. император обязуется «не приневоливать» человеческую совесть и дать возможность каждому христианину под его ответственность осуществлять заботу о спасении собственной души. Впрочем, гарантии на послабления в сфере вероисповедания получали в основном европейцы, в чьих услугах было заметным образом заинтересовано государство [2, с. 45].

Заметные шаги в сторону свободы вероисповеданий были сделаны при Екатерине II. В 1763 г. всем немецким колонистам, которые прибывали на территорию нашей страны по высочайшему приглашению, даровалось право беспрепятственного оправления веры в соответствии со своими уставами. Ещё через десять лет даровались послабления для старообрядцев, включая освобождение от двойного налогообложения и даже право быть избранными на отдельные общественные должности; впрочем, строить церкви старообрядцам по-прежнему было запрещено. Манифестом 1783 г., изданным по случаю присоединения Крыма, местным мусульманам публично обещано охранять веру. В тот же период положено начало применению аналогичной политики в отношении исповедующих ислам в других регионах Российской империи.

В начале XIX в. императором Александром I на присоединённых территориях Великого Финляндского княжества и Царства Польского широкие права предоставлены представителям распространённых «коренных» религий, соответственно, лютеранства и католичества. А в 1804 г. издаётся «Положение об устройстве евреев», которое положило начало официальному признанию иудаизма. Нельзя не отметить также, что первые годы правления Александра I ознаменовались наделением относительной свободой секты скопцов – одной из наиболее изуверских из существовавших в тот период христианских сект.

Новым этапом в церковно-государственных взаимоотношениях стала эпоха правления Николая I. Так, прежде, на протяжении ряда веков, данные отношения базировались на неписаных правилах и традициях, лишь изредка будучи урегулированными государевыми указами и распоряжениями. К 1830-ым гг. такая политика полностью перестаёт устраивать государство, желавшего обеспечить прочный правовой фундамент складывающейся системе управления конфессиями. В 1835 г. издаётся Свод законов Российской империи, в первом разделе которого шесть статей (40–46) посвящены вопросам веры и церкви. Упомянутые статьи выступали правовой основой регу-

лирования церковно-государственных отношений вплоть до 1917 г., хотя и с важными их модификациями в начале XX в.¹ Начала веротерпимости, утверждаемые даже указами монархов, не означали, впрочем, воплощения принципов светского государства в законодательном пространстве России. Правовую политику правительства в сфере вероисповедания в имперский период можно определить как политику православного конфессионализма. Так, за православной церковью определялось главенство в религиозно-клерикальных вопросах, а за государем сохранялась роль хранителя догматов веры и её верховного защитника. За государством, таким образом, оставалось право действовать в качестве верховного арбитра в вопросах конфессиональных отношений. Даже после провозглашения 1905 г. указа о веротерпимости оно по-прежнему продолжало сохранять свои полномочия в этой сфере.

Православный конфессионализм выражался в полномочиях отдельных публичных учреждений. Так, делами Русской православной церкви ведал Правительственный Синод, а вопросами иностранных религий, а также раскольников – Министерство иностранных дел. Такое положение лишь отчасти соответствовало актуальной европейской практике, в соответствии с которой применялось единое управление церковными (религиозными) делами. Управления православными церквями на Востоке было более близким российской системе. Синоды этих церквей оставались под усиленным контролем светской власти: со стороны чиновников и со стороны Министерства по церковным делам.

Несмотря на заметные подвижки, ситуация в поликонфессиональной Российской империи продолжала оставаться сложной. Не в последнюю очередь это порождалось общей рассогласованностью в действиях правительства. Религиозный вопрос, в частности, тесно переплетался с проблемами национальных отношений. Между тем политика унификации, а временами – и прямой русификации, находившая всё более полное своё выражение в позднеимперский период, не могла не вызывать роста недовольства и прямого сопротивления со стороны нетитульных народов. Естественным образом это непосредственно сказывалось и на религиозных настроениях, утрате былого влияния религии и церкви, что во многом привело к обострению духовного кризиса российского общества накануне революции 1917 г. Как отмечают современные исследователи, именно духовный кризис российского общества сыграл решающую роль в обострении революционной ситуации 1917 г., что является серьёзным историческим уроком для современной России [3, с. 69].

¹ Под напором революционных событий Манифестом 17 апреля 1905 г. Николай II заметно расширил границы принципа веротерпимости, узаконил свободу перехода из православия в другие христианские вероисповедания, предоставил легальные права сектантским организациям. И, наконец, «конституционный» Манифест 17 октября включил в число демократических свобод свободу совести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, следует подчеркнуть: религиозный фактор всегда был крайне значимым для политической истории России, а Русская православная церковь играла огромную роль в становлении и развитии российской государственности. Светская и духовная власти были заинтересованы во взаимной поддержке и укреплении друг друга. Государи опирались на церковь прежде всего как на институт, который в соответствии с византийской традицией твёрдо проводил идею сакральности власти, способствовал продвижению их внешнеполитических амбиций и планов. Православная церковь видела в государстве гаранта и защитника своих прав, последовательного союзника в утверждении своих позиций на мировой арене.

Отношения между светской и духовными властями в стране, тем не менее, никогда не были беспроблемными и даже в отдельных случаях приводили к острейшим конфликтам. Логика политической централизации, концентрации власти неизменно и всегда оборачивалась всё большим доминированием государственного начала. Материнская доктрина «симфонии властей» в своём практическом содержании обернулась со временем политикой огосударствления православной церкви. Превращение последней в компонент чиновничье-бюрократического аппарата императорской России означало, что церковь стала воплощать в себе не только достоинства отечественной государственности, но и пороки абсолютистской системы. Несмотря на позитивные подвижки в отношениях с другими религиями и вероучениями, не получил своего последовательного утверждения и принцип веротерпимости, дореволюционная Россия тем более не стала и светским государством, что во многом стало одной из причин кризиса российского общества накануне революции 1917 г.

Эти исторические уроки необычайно важно помнить сегодня, развивая и укрепляя принцип веротерпимости в российском обществе, совершенствуя государственно-конфессиональные отношения, не допуская кризиса духовной жизни, чтобы не повторить трагических ошибок прошлого. Опираясь на исторический опыт, можно сформулировать некоторые рекомендации по поводу траекторий развития публично-церковных взаимоотношений. В-первых, для стабильного и гармоничного развития российского общества необходим активный диалог между государством и церковью, включая сотрудничество по вопросам духовно-нравственного развития гражданского общества, важнейшим проводником которого остаётся церковь.

Во-вторых, десятилетия гонений со стороны советского государства в известной мере подорвали институциональные основы функционирования церкви, и не только РПЦ. В связи с этим поддержка церкви со стороны государства всё ещё выступает объективной данностью современных реалий (в том числе имущественная, материальная).

В-третьих, новый этап развития изучаемых отношений должен основываться на полноценном учёте многоконфессиональности Российского государства как следствия многонационального и поликультурного укладов нашей страны. Это должно находить отражение в доктрине публично-церковных отношений в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. И. Под знаком конца времен: очерки русской религиозности: научное издание. СПб.: Алетейя, 2017. 352 с.
2. Буткевич Т. И. Высшее управление в православных автокефальных церквях. Харьков: Мирный трудъ, 1913. 192 с.
3. Василенко И. А. Социокультурный анализ русской революции 1917 года: исторические уроки // Власть. 2017. № 9. С. 64–69.
4. Васильев А. А. Государственное учение Ивана IV Грозного. М.: Юрлитинформ, 2014. 287 с.
5. Величко А. М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки). СПб.: Издательство Юридического института, 2006. 237 с.
6. Вернадский Г. В. Московское царство: в 7 т. Т. 2. М.: Леан, 2001. 416 с.
7. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970. 444 с.
8. Зеньковский В. В., прот. История русской философии. М.: Академический проект: Раритет, 2001. 880 с.
9. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. Т. I. Республика Карелия: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Ставропогиального монастыря: Православный паломник, 1996. 534 с.
10. Катин В. И. Актуальные проблемы партнёрских отношений Русской православной церкви и государства в современной России. Саратов: Наука, 2016. 240 с.
11. Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 3. Курс русской истории. М.: Мысль, 1988. 416 с.
12. Коваленко В. И. Политология: к осмыслению национальных интересов России. М.: Издательский дом МГУ, 2016. 704 с.
13. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 2. Ч. 1. Вера. Творчество. Образование. М.: Прогресс: Культура, 1994. 416 с.
14. Скрынников Р. Г. Крест и корона: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 460 с.
15. Соловьев С. М. Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. VI. М.: Голос, 1993. 758 с.
16. Сорокина Ю. В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства: к вопросу истории взаимоотношений церкви и государства // История государства и права. 2009. № 12. С. 7–11.
17. Синельников С. П. Конфессиональные постановления Временного правительства о судьбе церковно-приходских школ // История государства и права. 2013. № 21. С. 30–35.

REFERENCES

1. Alekseev A. I. *Pod znakom kontsa vremen: ocherki russkoi religioznosti* [Under the sign of the end of the times: essays on Russian religiosity]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2017. 352 p.
2. Butkevich T. I. *Vysshee upravlenie v pravoslavnykh avtokefal'nykh tserkvakh* [Supreme governing in the Orthodox Autocephalous churches]. Khar'kov, Mirnyi trud Publ., 1913. 192 p.
3. Vasilenko I. A. [Socio-cultural analysis of the Russian revolution of 1917: historical lessons]. In: *Vlast'* [Power], 2017, no. 9, pp. 64–69.
4. Vasil'ev A. A. *Gosudarstvennoe uchenie Ivana IV Groznogo* [State doctrine of Ivan IV, the Terrible]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 287 p.
5. Velichko A. M. *Tserkov' i imperator v vizantiiskoi i russkoi istorii (istoriko-pravovye ocherki)* [The Church and the Emperor in Byzantine and Russian history (historical and legal essays)]. St. Petersburg, Publishing House of Juridical Institute Publ., 2006. 237 p.
6. Vernadsky G. V. *Moskovskoe tsarstvo. T. 2* [Muscovy. Vol. 2]. Moscow, Lean Publ., 2001. 416 p.
7. Zaionchkovsky P. A. *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya* [The Russian autocracy in the late XIX century]. Moscow, Thought Publ., 1970. 444 p.
8. Zen'kovsky V. V., archpriest. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow, Academic project Publ., Rarity Publ., 2001. 880 p.
9. Kapterev N. F. *Patriarkh Nikon i tsar' Aleksei Mikhailovich. T. I* [Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. Vol. I]. Republic of Karelia, Publishing House of the Saint-Transfiguration Valaam Stavropogial monastery Publ., Orthodox pilgrim Publ., 1996. 534 p.
10. Katin V. I. *Aktual'nye problemy partnerskikh otnoshenii Russkoi pravoslavnoi tserkvi i gosudarstva v sovremennoi Rossii* [Actual problems of partnership relations of the Russian Orthodox Church and the state in modern Russia]. Saratov, Science Publ., 2016. 240 p.
11. Klyuchevsky V. O. *Sochineniya : v 3 t.. T. 3* [Works : in 3 vol. Vol. 3. The course of Russian history]. Moscow, Thought Publ., 1988. 416 p.
12. Kovalenko V. I. *Politologiya: k osmysleniyu natsional'nykh interesov Rossii* [Political science: to understanding the national interests of Russia]. Moscow, Publishing House of Moscow State University Publ., 2016. 704 p.
13. Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury. T. 2. Ch. 1. Vera. Tvorchestvo. Obrazovanie* [Essays on the history of Russian culture. Vol. 2. Part 1. Faith. Creative activity. Education]. Moscow, Progress, Culture Publ., 1994. 416 p.
14. Skrynnikov R. G. *Krest i korona: Tserkov' i gosudarstvo na Rusi IX–XVII vv.* [Cross and crown: Church and state in Russia of IX–XVII centuries]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2000. 460 p.
15. Solov'ev S. M. *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Kn. VI* [Works. History of Russia from ancient times. B. VI]. Moscow, Golos Publ., 1993. 758 p.
16. Sorokina Yu. V. [The peculiarities of the Russian religious-legal consciousness and its influence on the relations between the society and the state: history of mutual relations of the Church and the state]. In: *Istoriya gosudarstva i prav* [History of state and law], 2009, no. 12, pp. 7–11.

17. Sinel'nikov S. P. [Religious orders of the Provisional government about the fate of Church schools]. In: *Istoriya gosudarstva i prava* [History of state and law], 2013, no. 21, pp. 30–35.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 04.09.2018

Статья размещена на сайте: 18.12.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Камалова Аида Армаисовна – аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, сотрудник Медицинского научно-образовательного центра МГУ; e-mail: Kamalova.aida@mail.ru

Aida A. Kamalova – postgraduate student at the Department of the Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; research assistant at Medical Research and Educational Center of Lomonosov Moscow State University; e-mail: Kamalova.aida@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Камалова А. А. Взаимодействие государства и русской православной церкви в дореволюционной России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Kamalova A. A. State and the Russian Orthodox Church interaction in pre-revolutionary Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru.